

Kpr V - *Kritik der praktischen Vernunft* GS 5. *Critique of Practical Reason*, trans. Lewis White Beck, 3rd edition (New York: Bobbs-Merrill, 1993).

KRV - *Kritik der reinen Vernunft* GS 3-4. *Critique of Pure Reason*, trans. Norman Kemp Smith (New York: St. Martin's Press, 1965).

MdS - *Die Metaphysik der Sitten* GS 6. *The Metaphysics of Morals*, trans. Mary J. Gregor (Cambridge: Cambridge University Press, 1991).

R - *Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft* GS 6. *Religion within the Limits of Reason Alone*, trans. Theodore M. Greene and Hoyt H. Hudson (New York: Harper and Row, 1960).

SF - *Der Streit der Facultäten* GS 7. *The Conflict of the Faculties*, trans. Mary J. Gregor (New York: Abaris Books, 1979).

TP - "Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis" GS 8. *On the Proverb: That May Be Right in Theory but it is of No Practical Use*, trans. Ted Humphrey, in *Perpetual Peace and Other Essays* (Indianapolis: Hackett, 1983).

Ю. Я. БАСКИН

(Северо-Западная Академия государственной службы,
Санкт-Петербург)

Густав Гуго - современник и оппонент Канта

Восемнадцатый век - время господства рационализма и учения о естественном праве. Лишь немногие философы и юристы рисковали усомниться в научной и моральной справедливости этих идей или хотя бы критически отнестись к исходным положениям школы естественного права. Среди немногих был Густав Гуго (1764-1844) - основоположник того направления, которое получило название исторической школы права¹.

В отечественной литературе, вышедшей в свет до 1917 г., его идеи с достаточной полнотой были рассмотрены лишь однажды - в магистерской диссертации П. И. Новгородцева "Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном изложении"². Других специальных исследований о Гуго, насколько мне известно, не было вплоть до сегодняшнего дня. Правда, Н. М. Коркунов, С. А. Муромцев и Б. Н. Чичерин давали краткий обзор его взглядов, но даже они в основном обращались к Ф. К. Савиньи³.

Что касается последующих десятилетий, то оценка всей исторической школы права в целом, и Гуго в частности, была до конца 80-х годов крайне односторонней⁴. Некоторым отступлением от

этого стал лишь учебник по истории политических и правовых учений, вышедший первым изданием под ред. В. С. Нерсесянца в 1983 г.⁵

Нетрудно понять, что позиция эта была продиктована той резко отрицательной оценкой, которую в свое время дал идеям Гуго и его единомышленников К. Маркс. Мы имеем в виду “Философский манифест исторической школы права” и введение к “Критике гегелевской философии права”. Называя Гуго “прародителем и творцом исторической школы”, а его учебник естественного права “ветхим заветом” этой школы⁶, Маркс в дальнейшем обрушивается на самого Гуго и всех других представителей этого течения, обвиняя их в “ложном толковании” учения Канта, в “самодовольстве” и “блудливой пошлости”, в оправдании права произвола и насилия⁷. Свои обличения Маркс завершает словами, надолго определившими искреннюю или вынужденную позицию тех, кто следовал его авторитету. Вот этот пассаж: “Школа, которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего, которая объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут - старый, унаследованный, исторический кнут; школа, которой история показывает, как бог Израиля своему слуге Моисею, только свое а posteriori, - эта историческая школа права изобрела бы поэтому немецкую историю, если бы сама не была изобретением немецкой истории. Настоящий Шейлок, но Шейлок-лакей, - она при каждом фунте мяса, вырезаемом из сердца народа, клянется своим векселем, своим историческим векселем, своим христиански-германским векселем”⁸. Характеристика, скажем прямо, уничижительная. Она, конечно, не лишена оснований, но справедлива ли в полной мере? Долгое время никто в стране не смел в этом даже сомневаться. И только в последнее время начал намечаться более объективный подход к оценке исторической школы, а следовательно - и Густава Гуго. Мы имеем в виду высказывание Л. С. Мамута, который писал, что “в философски-юридических представлениях исторической школы положительное значение имела критика естественно-правовой доктрины с ее постулатом вечности, неизменности и неподвижности прав. В истории юриспруденции *оставила свой след* (выделено мною. - Ю. Б.) попытка этой школы трактовать правовые институты в качестве особых социальных явлений, исторически закономерно рождающихся, функционирующих и раз-

вивающихся в целостном едином потоке жизни каждого народа”⁹. Вывод, по нашему мнению, безусловно справедливый. Более того - нуждающийся в усилении и дальнейшем развитии. Именно этому и посвящено настоящее сообщение. Правда, его задача достаточно ограничена. Речь пойдет только о Гуго и его отношении к кантовской философии.

Учитывая это обстоятельство, необходимо с самого начала подчеркнуть, что основоположник исторической школы всегда и неизменно относился к Канту с глубочайшим уважением. Он неоднократно цитировал его труды, давая им самую высокую оценку. Так, в “Учебнике естественного права как философии позитивного права, в особенности - частного права”, в котором наиболее четко изложена его собственная теоретическая позиция, Гуго пишет о том, что Кант совершил революционный переворот, что его труды должны служить образцом для других ученых, что сам Кант был выдающимся теоретиком права (хотя и не признанным в достаточной мере своими современниками - собственно юристами). Гуго неоднократно цитирует труды Канта, в частности - “*Метафизические начала учения о праве*”, составляющие, как известно, первую часть “*Метафизики нравов*”. Он обращается к мнению Канта при рассмотрении конкретных юридических институтов¹⁰. Все это, действительно, побуждает думать о Гуго как ученике Канта (что признавалось многими - начиная от Маркса и кончая Чичериным). Но глубокое знание идей Канта и личное уважение к нему в данном случае недостаточны для такого вывода. Дело в том, что по ряду вопросов, как мы сейчас увидим, их позиции существенно отличались друг от друга. Гуго не просто учился у Канта, не только критически относился к его идеям, но и выдвинул ряд совершенно самостоятельных и отличных от кантовских положений. Это видно уже в связи с вопросом о естественном праве.

Как известно, Кант не признавал, что естественное право присуще человеку “по природе”. Оно, по его мнению, есть результат и вместе с тем необходимое условие человеческого общежития. Различая законы внутренние и внешние, Кант указывал в “*Метафизике нравов*”, что последние делятся на законы естественные, “*обязательность которых может быть познана разумом а priori без внешнего законо-*

дательства”, и положительные, “которые без действительного внешнего законодательства не обязывают” (4 (2), 133).

Совершенно иным был подход Гуго. Для него естественное право не существует вне связи и независимо от права позитивного¹¹. Естественное право - не что иное, как философское обоснование и моральная оценка действующих правовых норм. Иначе, по его мнению, невозможно ни понять, ни объяснить наличие столь разных, а порою и взаимно исключающих, норм у разных народов. Право - неотделимо от народного духа и истории народа; история права есть история позитивного права¹². В этом он вполне согласен с Г. Конрингом и Г. Ф. Мартенсом¹³. Поэтому основание действующего права двойственно: частично оно, действительно, восходит к философии, частично - к истории народа¹⁴. Право - не просто юридический акт государства. Гуго никак нельзя обвинить в позитивизме (как, скажем, Г. Ф. Мартенса или И. Я. Мозера). Обычай - вот важнейший источник права, ибо именно в нем непосредственно находит свое выражение дух нации (народа). В этом отношении право подобно языку (и в известном смысле даже есть его часть). Оно развивается не только путем сознательной законодательной деятельности, но и спонтанно. Эту мысль затем подробно развивал Савиньи, у которого она стала играть первенствующую роль: право для последнего - результат внутренней жизни народного духа¹⁵. Оно, писал Савиньи, “растет” вместе с народом.

Но тогда и перед Гуго, и перед его последователями вставал в качестве первостепенного вопрос - что понимать под народом? Совершенно ясно, что это не механическое множество людей и даже не факт их совместного территориального проживания. Народ для представителей исторической школы существует и развивается на основе устойчивой духовной общности; духовное единство сменяющихся друг друга поколений и составляет основу народа. Это единство выражается как раз в праве и языке. Право - “общее дело народа”. Поэтому его сущность неприкосновенна для правительства. Правда, между Гуго и Савиньи есть и различия. Если Гуго не видит в положительном праве моральности, то Савиньи считал, что оно обладает высшим моральным авторитетом.

Но все же Гуго не порывает полностью с естественным правом. Он “лишь” отводит ему юридически второстепенную и зависимую роль. Скорее всего, это роль вспомогательного источника

действующего права, факультативная по своей сути. Довести до логического конца критику естественного права, предпринятую Гуго, довелось его последователям. В этом отношении наиболее категоричен был Г. Ф. Пухта. Он утверждал, что естественное право есть всего лишь "фантастическое порождение философов" и не имеет юридического смысла без права позитивного¹⁶.

Различие в подходах между Кантом и Гуго еще более четко проявляется, если мы обратимся к вопросу об объективных основаниях права. По мысли Гуго, они коренятся не во всеобщих абстрактных нормах (и тем более не в нормах нравственности), но в том реальном факте, что разные люди (и вообще субъекты) объективно обладают разными интересами и поэтому преследуют разные цели, порою прямо противоположные друг другу. В силу этого обстоятельства и для того, чтобы в обществе не господствовали сила и произвол, необходимо позитивное право. Его задача - обеспечение не справедливости, но порядка. Только это положение дел соответствует требованиям разума и достойного общежития. Не будь права, не было бы и нормального человеческого общения. Издание правовых норм - компетенция государства. Но, как мы только что видели, оно связано в этом отношении обычаями и духом народа. Можно издать формально обязательную норму и требовать ее исполнения. Но эта норма всегда будет "внешней", если не соответствует традиции и обычаям страны. Поэтому можно сказать, что именно необходимость права приводит к необходимости государства. Последнее должно обладать всей полнотой власти. Дело в том, что если власть рассредоточена, то, по мнению Гуго, различие целей, которые преследуют отдельные ее представители (носители власти), препятствует достижению задач, стоящих перед Государством. Такой политический порядок противоречит разуму. Конечно, разные государственные органы исполняют различные функции, но все они в своей совокупности должны иметь над собою единую власть. Правда, Гуго вместе с тем замечает, что абсолютная (т. е. юридически не определенная в своих правах и обязанностях) власть может, в свою очередь, породить произвол. Поэтому-то и нельзя, по его мнению, говорить об идеальном политическом строе. В конечном счете все зависит от традиции и обстоятельств, с которыми приходится мириться и к которым приспосабливаться. Здесь, как и во многих других случаях, мы сталкиваемся с характерной для Гуго чертой - его неве-

рием в политические и правовые идеалы. Его, скажем, прагматизмом. И даже более - стремлением приспособиться к существующим отношениям и даже попытаться найти им оправдание. В этом его критики действительно правы.

Занимая такую позицию, Гуго решительно выступал против принципа разделения властей. Следовательно, в плане теоретическом, - против Канта (см.: 4 (2), 234) и особенно - Монтескье. Это была действительно консервативная, но отнюдь не холуйская (как утверждал Маркс) позиция. Раз нет бесспорно справедливого государственного строя, более того - бесспорно правомерного, то следует признать, что власть не может быть основана на добровольном соглашении (договоре). Она основана на силе - не только вооруженной, но и на том, что опирается на признание народа. Поэтому правитель не только обладает правом, но и несет обязанности. Это - публичная власть. Отсюда критика патриомональной теории.

Гуго убежден в том, что пока народная мудрость и обычаи народа признают те или иные юридические учреждения и институты, они имеют право на существование. Именно по этой причине, а не по каким-либо политическим и моральным соображениям он, хотя и с рядом оговорок, временно допускал правомерность рабства. При этом он апеллировал к истории и к тому факту, что многие народы и исторические эпохи его признавали¹⁷.

Этот факт обычно вызывал и поныне вызывает резкую критику взглядов Гуго и исторической школы в целом. Именно он в глазах многих затмил все то положительное, что сделал в науке Гуго, прежде всего его идею о необходимости рассматривать право в его историческом развитии и связи с жизнью и духом народа. Но на самом деле он отнюдь не оправдывал рабство и не защищал его существование в современных ему условиях. Скорее наоборот. Гуго полагал, что существующие институты крепостного права (рабства) должны быть максимально смягчены, а со временем оно будет уничтожено. Правда, процесс этот он действительно считал медленным и осуществимым путем реформ, но никак не революционным путем. Но ведь так же рассуждали и многие его современники. Тот же Кант или М. Сперанский в России!

Главная задача государства заключается, таким образом, в охране порядка, а следовательно - права. Но этим она не ограничивается. Подобно Гоббсу, Гуго достаточно определяет пределы

политической власти и главы государства. Он даже допускает их вмешательство в духовную жизнь страны посредством ограничения свободы мнений. Казалось бы, мысль опять-таки архиреакционная. Но не будем торопиться с выводом. Дело в том, что Гуго признает это право только в тех пределах, когда речь идет о нарушении существующего общественного и правового порядка¹⁸. Такая позиция, конечно, вызывала многочисленные возражения. Ведь речь шла о поползновении нарушить естественное право на свободу личности (свободу слова). И однако... Был ли Гуго в этом вопросе безоговорочно неправ? Ведь речь у него шла не о произволе власти, но о сохранении общественных и политических устоев, которые, как он полагал, признаны народом и есть результат исторического развития. Конечно, можно сказать, что воспитанный в рабстве народ не ищет свободы. И это, скорее всего, будет верно (хотя и далеко не бесспорно). Но в этой проблеме есть и другой аспект, который нельзя сбрасывать со счета. И очень интересно, что со всею остротой он проявился спустя полтора столетия после Гуго. Достаточно напомнить, что ныне многие, притом демократические, конституции запрещают деятельность политических партий и иных организаций, призывающих к насилию и неконституционному свержению существующего строя (конституции ФРГ, России и т. д.). Конечно, можно возразить, что речь здесь идет о защите демократии. Гуго же, безусловно, демократом не был и совершенно лояльно относился к существовавшему в Германии политическому порядку. Разница достаточно существенная. Но здесь мы снова сталкиваемся с очень характерным фактом: научная позиция и позиция политическая далеко не всегда совпадают. Есть пределы свободы слова и мнений, выход за которые может оказаться губительным для общества. Именно это подчеркивал Гуго. Его позиция, видимо, основана на том, что свободу мнений он относил к области публичных прав. Отсюда и возможность их ограничения. К частному же праву он относил только те права, которые не связаны с общими целями и интересами, но обеспечивают и разграничивают цели отдельных лиц.

Среди множества проблем, относящихся к области частного права, Гуго основное внимание уделял двум - праву собственности и семейному праву. Для него семья есть не просто первичная социальная ячейка, но вместе с тем и основа стабильности общества. Она существует, конечно, не только для удовлетворения

полового влечения (в чем упрекал его Маркс¹⁹). Поэтому вопросы семейного права занимают столь большое место в “Учебнике гражданского права” (§ 77-92). При этом Гуго достаточно критичен по отношению к существующим юридическим институтам, но очень осмотрителен в их отрицании. Что касается права собственности, то здесь мы сталкиваемся у Гуго с парадоксальным, на первый взгляд, утверждением; на фоне бесчисленных славословий в защиту частной собственности, которыми полны сочинения его предшественников и современников, он пишет о том, что собственность с необходимостью влечет за собою крайности социального неравенства, столь опасные для общества. Бедность нравственно гнетет человека, а богатство его развращает. Гуго полагает, что собственность далеко не всегда является гарантией свободы. В такой же мере, полагает он, она может выступать (и нередко выступает) орудием ее ограничения. И притом в наиболее опасной форме - зависимости личности не от общества, государства и права, а от другой личности. Но государство не может ни отказаться от наличия собственности, ни подчинить себе всю сферу связанных с ней отношений. Поэтому оно вынуждено не только допускать наличие собственности, но и защищать ее, обеспечивая действие частно-правовых норм. К тому же Гуго понимал, что обычное частное право предшествовало исторически государственным институтам и праву политическому. Кроме того, частное право (при всех его недостатках) обладает и тем несомненным достоинством, что оно есть средство борьбы с злоупотреблениями политической власти. Вероятно, можно сказать, что Гуго формулирует своеобразную антиномию публичного (политического) и частного права. Не случайно им так интересовался П. И. Новгородцев, решительно утверждавший идею антиномичности интересов личности и рода (общества)²⁰.

Но был и еще один вопрос, где взгляды Гуго во многом совпадали и в отношении которого он был согласен с Кантом. Мы имеем в виду проблему установления единого мирового правопорядка. То, что Кант изложил в своем трактате “К вечному миру”, было очень близко Гуго. Он считал, что установление такого порядка отвечает требованиям человеческого разума. Только тогда будут уничтожены основания для войн между государствами, столь губительные для людей. Как бы ни различались государства по условиям своего существования, своей истории, обычаям и нра-

вам - ничто не может служить непреодолимым препятствием к юридическому единению в форме договорного союза. Но это - дело далекого будущего. Пока же приходится исходить из реальных отношений, стремясь к их совершенствованию.

Завершая наш краткий обзор, можно сказать, что Густав Гуго сыграл видную роль в научной разработке учения о праве. И эта роль (при всем действительном консерватизме его взглядов) может и должна быть по справедливости оценена.

Гуго наметил те пути, по которым в значительной мере пошла философия права в XIX в. Он выступил против абстрактности теории естественного права, равно как и против юридического догматизма. Его стремление внести в науку исторический подход оказалось очень плодотворным. Гуго был не только учеником, но и критиком идей своего великого современника.

¹ Сведения о его жизни и трудах можно почерпнуть в первую очередь у самого Г. Г. См.: *Hugo G. Beiträge zur civilistischen Bücherkenntnis der letzten vierzig Jahre, aus den Göttingenischen gelehrten Anzeigen und den Vorreden, besonders zu den Theilen des civilistischen Cursus zusammen abgedruckt und mit Zusätzen begleitet. Bd.* (1788-1807). Berlin, 1828. S. 15-42. Исследования В. Эбеля (*Ebel W. Gustaw Hugo. 1964*) было, к сожалению, мне недоступно.*

² См.: *Новгородцев П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896. С. 39-52.* К сожалению, автор приходит к выводу, что Гуго свойственно не только преклонение перед историческим прошлым, но также "проповедь застоя и реакции" (Указ. соч. С. 52).

³ См.: *Коркунов Н. М. История философии права. СПб., 1896. С. 223-227; Чичерин Б. Н. История политических учений. М., 1877. Т. IV. С. 419-427; Энциклопедический словарь (Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 18. С. 857).* Интересно отметить, что Г. Ф. Шершеневич в своем фундаментальном учебнике вообще не упоминает Г. Гуго, хотя и дает краткую характеристику идей исторической школы (см.: *Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб., 1907. С. 554-558*).

⁴ См.: *История политических учений /Под ред. С. Ф. Кекечьяна и Г. И. Фелькина. М., 1955. С. 330-335; История политических учений. Ч. 1 /Под ред. К. А. Мокичева. М., 1971. С. 264-266; История политических и правовых учений. До-марксистский период /Под ред. О. Э. Лейства. М., 1991. С. 397-399.*

⁵ *История политических и правовых учений /Отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1983. С. 301-303.* Содержащаяся здесь характеристика без существенных изменений повторялась и в последующих изданиях.

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. С. 86.*

⁷ См.: Там же. С. 86, 92.

⁸ Там же. С. 416.

⁹ История политических и правовых учений. XIX век /Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1993. С. 8.

¹⁰ *Hugo G. Lehrbuch eines civilistischen Coursus. Zweite Band, welcher das Naturrecht, als eine Philosophie des positiven Rechts enthält.* Berlin, 1798. S. IV, V, 8, 82, 102, 161. и. а.; *Hugo G. Lehrbuch der Geschichte des Römischen Rechts. Dritter Band, welcher die Geschichte des Römischen Rechts enthält.* Berlin, 1799, S. VIII; *Hugo G. Op. cit. Vierter Band, welcher heutige Römischen Rechts enthält.* Berlin, 1799. S. X и. а.

¹¹ *Hugo G. Naturrecht...* S.V.

¹² *Hugo G. Geschichte des Römischen Rechts...* Bd. 3. S. 3.

¹³ *Wolff E. Grosse Rechtsdenker der deutschen Geistesgeschichte.* Tübingen, 1939. S. 181 и. а.

¹⁴ *Hugo G. Geschichte der Römischen Rechts...* Bd. 4. S. 1.

¹⁵ *Hugo G. Naturrecht...* S. 129; *Savigny F. K. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft.* Heidelberg, 1814. S. 8 ff. Упомянем здесь также К. А. Доминика, работы которого, насколько мне известно, не рассматривались в отечественной литературе. Посвятив свой труд одновременно Гуго и Савиньи, он последовательно отстаивал идею несовпадения закона и права. См.: *Dominic K. A. Allgemeine Einleitung in das juristische Studium.* München und Burghausen, 1812. S. VII и. а.

¹⁶ См.: *Puchta G. F. Die Gewohnheitsrecht.* Erster Teil. 1828. S. 133, 139 и. а.

¹⁷ *Hugo G. Naturrecht...* S. 59-60.

¹⁸ *Hugo G. Ibid...* S. 47-48 и. а.

¹⁹ Именно так оценивает Гуго К. Маркс. См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.* С. 89.

²⁰ См. об этом: *Новгородцев П. И. Об общественном идеале.* М., 1991. С. 42, 127 и др.